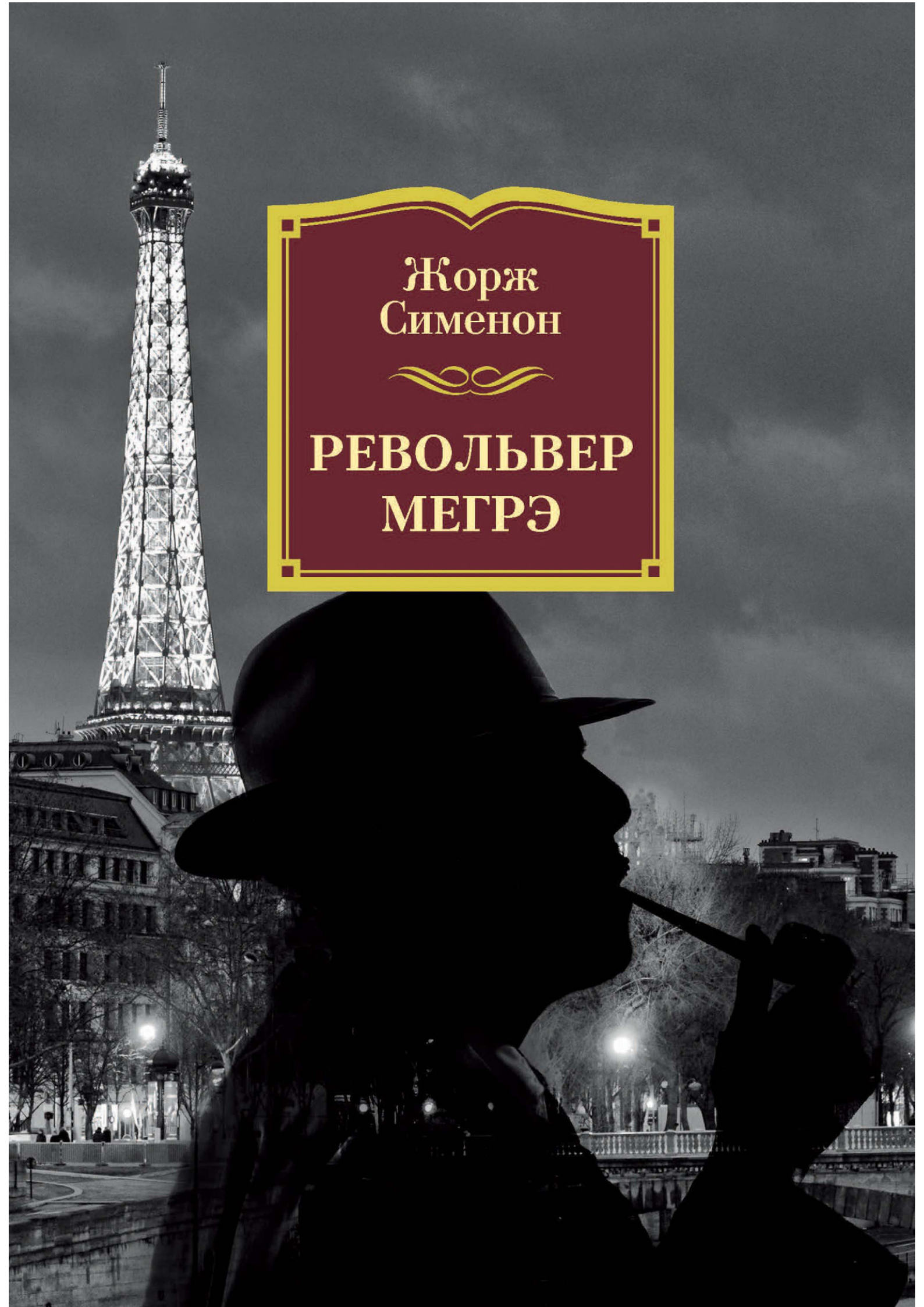

Жорж
Сименон

РЕВОЛЬВЕР
МЕГРЭ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Револьвер Мегрэ

«Азбука-Аттикус»

1952

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Револьвер Мегрэ / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1952 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15440-7

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Револьвер Мегрэ». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстается с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартирку на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15440-7

© Сименон Ж., 1952
© Азбука-Аттикус, 1952

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жорж Сименон

Револьвер Мегрэ

Georges Simenon
LE REVOLVER DE MAIGRET

Copyright © 1952, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского Е. Якушкиной

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© Е. Якушкина (наследник), перевод, 2017
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®

* * *

Глава 1, в которой Мегрэ опаздывает к завтраку, а один из приглашенных отсутствует на званом обеде...

Когда впоследствии Мегрэ вспоминал это необычное дело, то начинал думать о болезнях, которые подкрадывались исподтишка, начинаясь не бурно, а с легкого недомогания, с ломоты – симптомов слишком безобидных.

Не было вызова на место преступления, не было жалобы в сыскную полицию, не поступало тревожных сигналов и анонимных доносов; началом этого дела, если вспомнить все по порядку, был просто телефонный звонок мадам Мегрэ.

Черные мраморные часы на камине в кабинете Мегрэ показывали без двадцати двенадцать, он ясно помнит стрелки, образующие тупой угол на циферблате. Стоял уже июнь, в широко открытое окно вливался нагретый солнцем летний запах Парижа...

– Это ты?

Жена, конечно, узнала его голос, но она всегда переспрашивала, не потому, что сомневалась, а просто чувствовала себя неловко, говоря по телефону. Наверно, окна на бульвар Ришар-Ленуар сейчас тоже широко открыты... Мадам Мегрэ к этому времени обычно уже заканчивала всю основную работу по хозяйству. Она звонила ему редко.

– Слушаю.

– Я хотела только спросить, ты собираешься прийти завтракать?

Она почти никогда не звонила, чтобы задать ему этот вопрос. Он не рассердился, но нахмурил от удивления брови.

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто так. А потом тебя здесь ждут.

Ему показалось, что голос у нее виноватый.

– Кто?

– Ты его не знаешь. Ничего особенного. Но если ты не придешь завтракать, я скажу, чтобы не ждали.

– Мужчина?

– Молодой человек.

Конечно, она провела его в гостиную, куда они сами почти не заглядывали. Телефон стоял в столовой. Там они обычно проводили все время и принимали близких друзей. Именно в столовой находились трубки Мегрэ, его кресло и швейная машина мадам Мегрэ. По ее смущенному голосу он догадался, что дверь между двумя комнатами осталась открытой.

– Кто он такой?

– Не знаю.

– Что ему нужно?

– Не знаю. По-видимому, что-то личное.

Его мало интересовал этот посетитель. Если он и расспрашивал, то только из-за смущения жены, – она, очевидно, уже взяла этого мальчишку под свое покровительство.

– Я выйду около двенадцати, – сказал Мегрэ.

Ему оставалось принять только женщину, которая уже несколько раз приставала с жалобами на соседку, писавшую ей угрожающие письма.

Он позвонил секретарю.

– Пусть войдет.

Зажег трубку и, покоровшись судьбе, откинулся на спинку кресла.

– Итак, сударыня, вы снова получили письмо?

– Целых два, господин комиссар. Я взяла их с собой. В первом, как вы сами увидите, она признается, что отравила мою кошку, и угрожает, что, если я не перееду на другую квартиру, скоро наступит моя очередь...

Стрелки на циферблате потихоньку двигались вперед. Нужно было делать вид, что принимаешь эту историю всерьез. Разговор продлился четверть часа. Когда Мегрэ уже поднялся, чтобы взять шляпу, в дверь снова кто-то постучался.

– Вы заняты?

– А ты что делаешь в Париже?

Это оказался Лурти, его бывший инспектор, переведенный в сыскную полицию Ниццы.

– Проездом. Забежал, чтобы подышать здешним воздухом и пожать вам руку. Успеем проглотить по стаканчику в пивной «Дофин»?

– Перехватим на ходу.

Он очень любил Лурти, костлявого парня с голосом церковного певчего. В пивной у стойки они встретили еще нескольких знакомых инспекторов. Потолковали о том о сем. Аперитив был так же хорош, как этот летний день. Выпили по стаканчику, потом по второму и по третьему.

– Я должен бежать. Меня ждут дома.

– Я провожу вас до угла.

Они перешли вместе через Новый Мост, дошли до улицы Риволи, где Мегрэ пришлось добрых пять минут искать такси. Было без десяти час, когда он наконец поднялся на четвертый этаж дома на бульваре Ришар-Ленуар, и, как обычно, дверь квартиры открылась прежде, чем он успел вынуть ключи из кармана.

Ему сразу бросился в глаза встревоженный вид жены. Понизив голос – дверь в гостиную была открыта, – он спросил:

– Все еще ждет?

– Нет, он ушел.

– А что ему было нужно?

– Он не сказал.

Если бы не ее взволнованное лицо, Мегрэ, конечно, пожал бы плечами, проворчав: «Одним меньше!»

Но она не вернулась на кухню, а пошла следом за ним в столовую; у нее был вид человека, который собирается просить прощения.

– Ты заходил сегодня утром в гостиную? – спросила она.

– Я? Нет. Зачем?

Действительно, зачем ему было заходить утром в эту гостиную, которую он не переваривал?

– А мне казалось...

– Что?

– Ничего. Я все старалась припомнить. Я заглянула в ящик стола.

– В какой ящик?

– В тот, в который ты убираешь свой револьвер из Америки.

Только теперь он начал подозревать истину. Как-то ему пришлось провести несколько недель в Соединенных Штатах по приглашению полицейского управления, там много толковали об оружии. Перед отъездом американцы преподнесли ему револьвер, которым они очень гордились, это был «смит-вессон-45», специального образца, с коротким дулом и чрезвычайно легким спуском. На револьвере было выгравировано: «To J.-J. Maigret, from his F.B.I. friends»¹.

¹ «Ж.-Ж. Мегрэ от друзей из ФБР» (англ.).

Он никогда им не пользовался. Но как раз накануне вечером вынул из ящика, чтобы показать одному своему другу, вернее, приятелю, с которым они пили кофе и ликер. Сидели они в гостиной.

– Почему «Ж.-Ж. Мегрэ»?

Он сам задал тот же вопрос, когда ему преподнесли этот револьвер во время прощального коктейля. Американцы предварительно выяснили, как его зовут, у них в обычае называть сразу два имени. Два первых его имени: «Жюль Жозеф». О третьем – Ансельм – он им ничего не сказал.

– Мой револьвер исчез?

– Сейчас я тебе все объясню.

Не слушая ее, он вошел в гостиную, где еще стоял запах сигарет, и взглянул на камин. Там он накануне оставил револьвер. Он помнил точно. А теперь револьвера не было. Но Мегрэ знал, что не прятал его в ящик.

– Кто это был?

– Во-первых, сядь. Я подам завтрак, а то жаркое подгорит. И пожалуйста, не сердись.

Но он уже рассердился.

– Как ты могла впустить незнакомого человека в квартиру и...

Она вышла из комнаты и вернулась с блюдом в руках.

– Если бы ты его видел...

– Сколько ему лет?

– Совсем мальчик. Лет девятнадцати, самое большее двадцати.

– Что ему было нужно?

– Я была на кухне. Услышала звонок. Подумала, что принесли счет за газ, и пошла открывать. Увидела его. Он спросил: «Это квартира комиссара Мегрэ?» Я поняла по тону, что он принимает меня за прислугу. Он страшно нервничал, у него был такой испуганный вид.

– И ты сразу его привела в гостиную?

– Да, потому что он сказал, что ему совершенно необходимо тебя видеть и посоветоваться с тобой. Идти к тебе в управление он отказался. По-видимому, у него был слишком личный вопрос.

Вид у Мегрэ все еще был мрачный, но ему уже хотелось рассмеяться – он ясно представил себе эту сцену: перепуганный мальчишка и жалеющая его мадам Мегрэ.

– Как он выглядел?

– Очень воспитанный мальчик. Не знаю, как описать. Не из богатых, но очень приличный. Я уверена, что он плакал. Он вынул сигареты из кармана и сразу же попросил у меня прощения. Тогда я ему сказала: «Можете курить. Я привыкла». Потом я пообещала, что позвоню и узнаю, когда ты вернешься.

– Револьвер все время лежал на камине?

– Конечно. Правда, я не видела его в эту самую минуту, но ясно помню, что он там лежал, когда я вытирала пыль, около девяти часов утра. А больше ведь никто к нам не приходил.

Мегрэ знал, что сама она не могла переложить револьвер в ящик. Его жена так и не сумела привыкнуть к огнестрельному оружию и ни за что на свете не прикоснулась бы даже к незаряженному револьверу.

Он ясно представлял себе, как это было. Жена прошла в столовую, поговорила вполголоса с ним по телефону, затем вернулась и объявила мальчишке: «Он будет здесь самое позднее через полчаса».

Мегрэ спросил:

– Ты оставляла его одного?

– Конечно, должна же я была приготовить завтрак.

– Когда он ушел?

– Вот этого я не могу сказать. Я начала жарить лук и плотно закрыла дверь на кухню, чтобы запах не разнесся по всей квартире. Потом пошла в спальню немного привести себя в порядок. Я думала, что он ждет, и не хотела входить в гостиную, чтобы его не стеснять. Было примерно половина первого, когда я зашла туда и увидела, что его нет... Ты на меня сердишься?

Сердиться на нее? За что?

– Как ты думаешь, что у него случилось? Он совсем не походил на вора.

Он не был вором, черт побери! Как бы вор мог догадаться, что именно в это утро на камине в гостиной комиссара Мегрэ лежал револьвер?

– Ты встревожен? Он был заряжен?

– Нет.

– Тогда в чем же дело?

Идиотский вопрос! Оружие обычно похищают, чтобы им воспользоваться. Мегрэ вытер губы, встал из-за стола и проверил, на месте ли патроны. Да, они так и лежали в ящике. Прежде чем опять сесть за стол, он позвонил в полицейское управление.

– Это ты, Торранс? Пожалуйста, немедленно позвони всем владельцам оружейных магазинов. Алло... Да, оружейных... Спроси, не покупал ли кто-нибудь патроны для «смит-вессона» сорок пятого калибра специального образца... В случае, если такой покупатель еще не приходил, но появится сегодня днем или завтра, пусть задержат этого человека и сообщат на ближайший полицейский пост... Да, все. Я приду как обычно.

В половине третьего, когда он вернулся на набережную Орфевр, Торранс уже узнал, что какой-то молодой человек заходил в магазин на бульваре Бон-Нувель и спрашивал патроны. Так как этого калибра не было, хозяин направил покупателя в магазин Гастинн-Ренетта, и тот продал ему целую коробку.

– Мальчишка показывал оружие?

– Нет. Он протянул клочок бумаги, на котором были написаны марка и калибр.

...В этот день у Мегрэ было много других дел. Около пяти часов он поднялся в лабораторию к доктору Жюссье, который сразу спросил его:

– Вы сегодня вечером будете у Пардона?

– Я уже знаю. Треска по-провансальски, – ответил Мегрэ. – Пардон мне звонил позавчера.

– Мне тоже. Боюсь, что доктор Поль не сможет прийти.

Бывает так, что две семьи почему-то сближаются и начинают проводить время вместе, а потом без всяких причин теряют друг друга из виду. Вот уже около года раз в месяц Мегрэ с женой посещали обеды у Пардона, или, как они их называли, обеды табибов². Именно Жюссье, директор лаборатории криминалистики, однажды вечером затащил комиссара к доктору Пардону на бульвар Вольтера: «Вот увидите, он вам понравится. Стоящий парень! Мог бы стать одним из самых выдающихся специалистов, и, заметьте, в любой области медицины. Он был стажером в Валь-де-Грас и ассистентом у самого Лебраза, а потом еще пять лет стажировался в больнице Святой Анны». – «А что он сейчас делает?» – «Занялся практикой в своем квартале. Работает по двенадцать – пятнадцать часов в сутки, не заботясь о том, заплатят ему или нет, и частенько забывает послать счет пациенту. У него есть еще одна страсть – кулинария».

Дня через два после этого разговора Жюссье позвонил Мегрэ: «Вы любите утку с бобами?» – «Почему вас это интересует?» – «Пардон приглашает нас завтра на обед. У него подают только одно блюдо – обычно национальное, и он желает узнать заранее, придется ли оно по вкусу его гостям». – «Согласен на утку с бобами!»

² Врачей, лекарей (*араб.*). Здесь – аргю.

С тех пор было еще много обедов, на которых подавали то петуха в вине, то турецкий плов, то камбалу по-дьеппски и многое другое.

На этот раз речь шла о треске по-провансальски. Да, кстати, на этом обеде Мегрэ должен был с кем-то познакомиться. Накануне Пардон позвонил ему: «Вы свободны послезавтра? Вы любите треску по-провансальски? Вы за трюфели или против?» – «За».

У них вошло в привычку называть друг друга по фамилии, а жены, наоборот, называли друг друга по имени. Обе супружеские пары были примерно одного возраста. Жюссье – лет на десять моложе. Доктор Поль, судебно-медицинский эксперт, который часто присоединялся к их компании, – старше.

«Скажите, Мегрэ, вам не будет неприятно познакомиться с одним из моих старых приятелей?» – «Почему неприятно?» – «Честно говоря, я бы его не пригласил, если бы он не попросил меня познакомить его с вами. Только что он был у меня на приеме, так как он к тому же мой пациент, и настойчиво допытывался, будете ли вы у меня завтра».

Вечером, в половине восьмого, мадам Мегрэ в легком платье в цветочек и веселой соломенной шляпке натягивала белые перчатки.

– Ты готов?

– Пошли.

– Ты все еще думаешь об этом молодом человеке?

– Нет.

Кроме всего прочего, было приятно, что Пардоны жили в пяти минутах ходьбы. В окнах верхних этажей отражались лучи заходящего солнца. Улицы пахли нагретой за день пылью. Повсюду еще играли дети, а родители вышли подышать свежим воздухом и расселись на стульях прямо на тротуаре.

– Не спеши.

Он слишком быстро ходил, по ее мнению.

– Ты уверен, что это именно он купил патроны?

С самого утра у нее было тяжело на сердце, и чувство это усилилось после рассказа Мегрэ о Гастинн-Ренетте.

– Тебе кажется, что он покончит жизнь самоубийством?

– Может быть, поговорим о чем-нибудь другом?

– Он так ужасно нервничал. Окурки в пепельнице совсем измяты.

Было очень тепло, Мегрэ снял шляпу и нес ее в руках, как горожанин на воскресной прогулке. Они дошли до бульвара Вольтера и на углу площади вошли в дом, где жил Пардон. Старый узкий лифт, как обычно, громко заскрипел, трогаясь с места, и мадам Мегрэ слегка вздрогнула.

– Входите. Муж вернется через несколько минут. Его срочно вызвали к больному, но это в двух шагах отсюда, – приветствовала их мадам Пардон.

Почти каждый раз, когда Мегрэ обедали у Пардона, доктора срочно вызывали к больному. «Не ждите меня», – говорил он, уходя. Часто случалось, что гости расходились, так и не дождавшись его возвращения.

Жюссье уже пришел и сидел в гостиной. Там стоял большой рояль и повсюду лежали вышивки. Через несколько минут вихрем влетел Пардон и сразу же скрылся в глубине кухни.

– Лагранжа еще нет?

Пардон был маленького роста, довольно толстый, с очень большой головой и выпуклыми глазами.

– Погодите, сейчас я угощу вас одной штукой, пальчики оближете.

Доктор любил сюрпризы и всегда удивлял гостей то каким-нибудь необыкновенным вином, то старым ликером; на этот раз он поразил их белым вином Шаранты, которое ему прислал один винодел из Жонзака.

– Мне не наливайте, – запротестовала мадам Мегрэ, которая пьянела от одной рюмки. Завязалась беседа. Окна были открыты. Золотистое вечернее небо постепенно темнело. Толпа людей медленно текла по бульвару.

– Интересно, куда девался Лагранж?

– Кто он такой?

– Я когда-то учился с ним вместе в лицее Генриха Четвертого. Если не путаю, ему пришлось уйти, когда мы были в последних классах. Он жил тогда на улице Кювье против Ботанического сада, а его отец казался мне очень важным господином, потому что он был бароном или выдавал себя за такового. Я давно потерял Лагранжа из виду, уже лет двадцать, а несколько месяцев назад он вдруг вошел в мой кабинет, терпеливо дождавшись очереди в приемной. Я его сразу же узнал.

Пардон взглянул на часы и сверил их со стенными:

– Меня удивляет, что его до сих пор нет... Он так хотел прийти... Ждем еще пять минут, если не появится, сядем за стол без него.

Он снова наполнил стаканы.

Мадам Мегрэ и мадам Пардон упорно молчали. Хотя мадам Пардон была худой, а жена комиссара пухленькой, обе были в одинаковой мере скромны и в присутствии мужей неизменно держались в тени. Дамы редко разговаривали за обедом, но потом уединялись, чтобы пошептать о своих делах.

У мадам Пардон был очень длинный нос, слишком длинный, к нему приходилось привыкать. Вначале было даже как-то неудобно смотреть ей в лицо. Не из-за этого ли носа, над которым, наверно, смеялись ее школьные подруги, она стала такой скромной и смотрела на своего мужа такими благодарными глазами?

– Держу пари, – говорил Пардон, – что у каждого из здесь присутствующих был в школе товарищ или подруга вроде Лагранжа. На двадцать или тридцать мальчиков обязательно найдется хоть один, который в тринадцать лет бывает краснощеким толстяком с толстыми розовыми ногами.

– В нашем классе такой девочкой была я, – сказала мадам Мегрэ.

Но Пардон галантно возразил:

– Девочки почти всегда выравниваются. Частенько бывает, что такие толстушки становятся самыми хорошенькими. Мы прозвали Лагранжа Бебе-Кадум. Наверно, в те времена во французских школах было много ребят, которых товарищи называли так же. Я был школьником в эпоху, когда все улицы были заклеены рекламами с изображением этого чудовищного младенца.

– Ваш приятель изменился?

– Конечно, пропорции другие. Но он так и остался рыхлым толстяком. Садимся за стол! Тем хуже для него.

– Почему вы не позвоните ему?

– У него нет телефона.

– Он живет в этом районе?

– В двух шагах отсюда, на улице Попинкур. Не представляю, зачем вы ему были нужны. Прошлый раз в моем кабинете валялась газета с вашей фотографией на первой странице... – Пардон взглянул на Мегрэ. – Простите, старина, не знаю как, но я проговорился, что знаком с вами. Кажется, я добавил, что мы друзья. «Он действительно такой, как о нем рассказывают?» – спросил Лагранж. Я ответил «да» и что вы человек, который...

– Который – что?

– Не важно. Я сказал все, что о вас думаю, пока осматривал его. Он диабетик. У него плохо с обменом веществ. Он ходил ко мне на прием два раза в неделю, так как очень озабочен своим здоровьем. В следующий раз он снова заговорил о вас, хотел узнать, часто ли мы

видимся, и я ответил, что мы обедаем вместе каждый месяц. Вот тогда он и стал настаивать, чтобы я его тоже пригласил. Честно говоря, я удивился, потому что со времен лица встречался с ним только в своем врачебном кабинете... Итак, прошу к столу...

Треска по-провансальски оказалась кулинарным шедевром, к тому же Пардон где-то отыскал сухое вино из окрестностей Ниццы, которое удивительно гармонировало с треской. После разговора о толстяках перешли на рыжих.

– В каждом классе всегда был хотя бы один рыжий мальчишка!

Затем разговор перешел на теорию генов. Все эти обеды обычно кончались разговорами на медицинские темы. Мадам Мегрэ знала, что это очень нравится ее мужу.

– Лагранж женат?

За кофе бог знает почему снова вернулись к Лагранжу. Темная синевя ночь, глубокая и бархатистая, постепенно поглотила яркие краски заката, но света еще не зажигали. Через открытую дверь виднелась балюстрада балкона, чугунные арабески казались нарисованными тушью. Издалека доносились звуки аккордеона, а на соседнем балконе шепталась какая-то пара.

– Он говорил, что был женат, но жена давно умерла.

– А чем он занимается?

– Делами. Довольно неопределенными. На его визитной карточке значится: «Директор акционерных обществ» и адрес: «Улица Тронше». Я как-то звонил по этому адресу, чтобы отменить назначенную с ним встречу, но мне ответили, что фирма давно не существует.

– Дети есть?

– Двое или трое. Дочь, если не ошибаюсь, и сын, которого он очень хочет устроить на хорошее место.

Затем разговор снова перешел на медицинские темы. Жюссье, который когда-то работал в больнице Святой Анны, вспомнил все, что ему приходилось слышать о Шарко. Мадам Пардон вязала, объясняя мадам Мегрэ какой-то сложный узор. Зажгли свет. В комнату залетело несколько ночных бабочек. Было уже одиннадцать часов, когда Мегрэ поднялся.

На углу бульвара распрощались с доктором Жюссье, который спустился в метро на площади Вольтера. Мегрэ немножко отяжелел после обеда, а возможно – и от южного вина.

Жена взяла его под руку, она делала это только по вечерам, когда они возвращались домой. Она явно хотела что-то сказать. Почему он это почувствовал? Она ведь молчала, и все-таки он ждал.

– О чем ты думаешь? – проворчал он наконец.

– Ты не рассердишься?

Он пожал плечами.

– Я все время думаю о молодом человеке, который приходил утром. Может быть, когда мы вернемся домой, ты позвонишь, чтобы узнать, не случилось ли с ним чего-нибудь?

Он понял. Она хотела сказать: «Надо узнать, не покончил ли он самоубийством».

Странная вещь, Мегрэ не думал о возможности самоубийства. Он только ощущал непонятную, смутную тревогу, но не хотел в этом признаваться.

– Как он был одет?

– Я не обратила внимания на его костюм. Мне кажется, он был в темном, по-видимому в темно-синем.

– Цвет волос?

– Светлый. Скорее, белокурый.

– Худой?

– Да.

– Красивый мальчик?

– Пожалуй, да. Красивый, наверно...

Он готов был держать пари, что она покраснела.

– Ты знаешь, я его плохо разглядела. Я помню только его руки, очень нервные. Он все время тербил поля шляпы. Даже не посмел сесть. Мне пришлось пододвинуть ему стул. Кажется, он ждал, что я выставлю его за дверь.

Вернувшись домой, Мегрэ позвонил дежурному полицейского управления, к которому поступали все сведения с сигнальных постов.

– Говорит Мегрэ. Есть новости?

– Только из Берси, патрон.

Это означало – ничего нового, кроме пьяных, подобранных около винного рынка на набережной Берси.

– Больше ничего?

– Драка в Шарантоне. Минутку... Да, еще. Под вечер вытащили утопленницу из канала Сен-Мартен.

– Оpoznана?

– Да. Проститутка.

– Самоубийства не было?

Этот вопрос он задал, чтобы доставить удовольствие жене, которая слушала, остановившись в дверях спальни со шляпкой в руках.

– Нет. Пока ничего нет. Позвонить вам, если будут новости?

Мегрэ заколебался. Ему не хотелось казаться заинтересованным этим делом, в особенности в присутствии жены.

– Ладно. Позвоните...

Ночью никто не звонил. Мадам Мегрэ разбудила его утром, подав чашку кофе. Окна в спальне были открыты, и слышно было, как рабочие грузят ящики у склада напротив.

– Ну, видишь, он не застрелился, – сказал Мегрэ как бы в отместку.

– Может быть, еще не стало известно, – ответила жена.

Он пришел на набережную Орфевр в девять часов и встретил всех своих товарищей на докладе в кабинете начальника управления. Ничего интересного. Несколько обычных происшествий. Париж был спокоен. Стали известны приметы убийцы той женщины, которую вытащили из канала. Его арест был только вопросом времени. По-видимому, к вечеру его уже найдут мертвецки пьяным в каком-нибудь бистро.

Около одиннадцати Мегрэ вызвали к телефону.

– Кто просит?

– Доктор Пардон.

Мегрэ показалось, что доктор на другом конце провода чем-то явно смущен.

– Простите, что я звоню вам в бюро. Вчера я рассказывал вам о Лагранже, который хотел быть на нашем обеде. Сегодня утром, обходя больных, я проходил мимо его дома на улице Попинкур и зашел наобум, решив, что, возможно, он заболел. Алло! Вы слушаете?

– Слушаю.

– Я бы вам не позвонил, если бы после вашего ухода моя жена не рассказала мне об этом молодом человеке.

– О каком молодом человеке?

– Молодом человеке с револьвером. По-видимому, мадам Мегрэ рассказала моей жене, что вчера утром...

– Ну и что дальше?

– Лагранж придет в бешенство, если узнает, что я вас тревожу из-за него. Я нашел его в странном состоянии. Во-первых, он заставил меня долго звонить и не открывал дверь. Я уже стал волноваться, ведь консьержка сказала, что он дома. Наконец он меня впустил. Он был босиком, в одной рубашке, в растерзанном виде и вздохнул с облегчением, увидев, что это я.

«Простите меня за вчерашний вечер... – сказал он, укладываясь снова в постель. – Я себя неважно чувствовал. И сейчас еще не здоров. Вы говорили обо мне комиссару?»

– Что вы ответили? – спросил Мегрэ.

– Не помню точно. Я проверил пульс, измерил давление. Он плохо выглядел. Знаете, как человек, который пережил сильное потрясение. В квартире царил ужасный беспорядок. Он ничего не ел, даже не пил кофе. Я спросил его, почему он один, и это его встревожило. «Вы думаете, что у меня будет сердечный приступ? Скажите правду...» – «Нет! Я только удивлен!..» – «Чему?» – «Разве дети не живут с вами?» – «Только младший сын. Моя дочь ушла, когда ей исполнился двадцать один год. Старший сын женат». – «А ваш младший работает?» Тогда он начал плакать, и мне показалось, что этот несчастный толстяк на глазах худеет! «Я не знаю, где он, – пробормотал Лагранж. – Его здесь нет. Он не вернулся домой». – «А когда он ушел?» – «Не знаю. Ничего не знаю. Я совсем один. Я умру в полном одиночестве». – «А где работает ваш сын?» – «Я даже не знаю, работает ли он: он мне ничего не рассказывает. Он ушел...»

Мегрэ внимательно слушал, лицо его стало серьезным.

– Это все?

– Почти. Я постарался его ободрить. Он был таким жалким. Обычно он хорошо держится, во всяком случае, может еще произвести впечатление. Грустно было видеть его в этой жалкой квартире, больным, в постели, которую не убрали несколько дней...

– Его сын часто не ночует дома?

– Нет, насколько я мог понять. Конечно, это просто совпадение, что речь идет опять о молодом человеке, который...

– Да?

– Что вы об этом думаете?

– Пока ничего. Отец действительно болен?

– Как я вам уже говорил, он перенес сильное потрясение. Сердце неважное. Вот он и лежит в постели, обливаясь холодным потом, и умирает от страха.

– Вы хорошо сделали, что позвонили, Пардон.

– Я боялся, что вы станете смеяться надо мной.

– Я не знал, что моя жена рассказала историю с револьвером.

– Кажется, я совершил промах?

– Ничуть.

Мегрэ нажал кнопку звонка и вызвал секретаря.

– Меня никто не ждет?

– Нет, господин комиссар, там никого нет, кроме нашего сумасшедшего.

– Передай его Люка.

Этот безобидный сумасшедший был постоянным посетителем. Он являлся аккуратно раз в неделю, чтобы предложить полиции свои услуги.

Мегрэ все еще колебался. Скорее всего, из-за боязни показаться смешным. Вся эта история, если взглянуть на нее со стороны, выглядела достаточно нелепой.

На набережной он сначала хотел сесть в служебную машину, но потом из-за того же чувства неловкости решил отправиться на улицу Попинкур в такси. Так его никто не заметит. Что бы ни случилось, никто не сможет над ним посмеяться.

Глава 2, в которой рассказывается о нелюбопытной консьержке и о господине средних лет, подсматривавшем в замочную скважину

Швейцарская, расположенная налево под аркой, была похожа на пещеру и освещалась тусклым светом лампы, горевшей весь день. Небольшое помещение было тесно заставлено вещами, которые казались вдвинутыми друг в друга, как в детском конструкторе: печка, очень высокая кровать, покрытая красной периной, круглый стол под клеенкой, кресло, на котором спала жирная рыжая кошка.

Не открывая двери, консьержка долго разглядывала Мегрэ через стекло и, так как он не уходил, наконец решила открыть окошечко. Между двух створок ее голова казалась увеличенной ярмарочной фотографией, дешевой и вылинявшей от времени. Крашенные волосы были черными, а все остальное – бесцветным и бесформенным. Она молча ждала. Мегрэ спросил:

– Как пройти к господину Лагранжу?

Консьержка ответила не сразу, можно было подумать, что она глухая. Наконец уронила с безнадёжной тоской:

– Четвертый этаж налево, в глубине двора.

– Он дома?

В ее голосе звучала не скука, а равнодушие, возможно, презрение, может быть, даже ненависть ко всему, что существовало вне ее комнаты-аквариума. Она сказала медленно, тягучим голосом:

– Раз доктор навещал его сегодня утром, значит дома.

– Никто не заходил к нему после доктора Пардона?

Мегрэ упомянул это имя, чтобы казаться осведомленным.

– Он сказал, чтобы я туда пошла.

– Кто?

– Доктор. Он хотел дать мне денег, чтобы я там прибрала и приготовила поесть.

– Вы там были?

Консьержка отрицательно качнула головой.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Вы не ладите с господином Лагранжем?

– Я здесь всего два месяца.

– А прежняя консьержка живет еще в этом районе?

– Она умерла.

Он почувствовал, что бесполезно пытаться вытянуть из нее еще что-нибудь. Этот семиэтажный дом, выходящий на улицу, и четырехэтажная пристройка в глубине двора со всеми обитателями, снующими взад и вперед, мастеровыми, детьми, посетителями – все было ей ненавистно, все были врагами, единственная цель жизни которых – нарушать ее спокойствие.

После сумрака и сырости швейцарской двор казался почти веселым, между каменными плитами кое-где даже пробивалась травка, солнце ярко освещало желтую штукатурку фасада в глубине двора, столяр в мастерской строгал доски, они пахли свежестью, а в коляске спал ребенок, за которым смотрела мать, выглядывая время от времени из окна второго этажа.

Мегрэ хорошо знал этот район, потому что жил на соседней улице, где было много таких же домов. Во дворе его дома на бульваре Ришар-Ленуар тоже еще сохранилась уборная без сиденья, дверь которой всегда была полуоткрыта, как в деревне.

Он медленно поднялся на четвертый этаж, нажал кнопку и услышал, что в глубине квартиры прозвучал звонок. Так же, как доктор Пардон, он долго ждал. Так же, как и доктор, Мегрэ слышал легкий шум, шлепанье босых ног по паркету, осторожный шорох и, наконец, он мог бы в этом покаяться, тяжелое дыхание совсем рядом за дверью. Никто не открывал. Он позвонил снова. На этот раз ни шороха, ни звука. Нагнувшись, он различил в замочной скважине блестящий глаз.

Мегрэ кашлянул, не зная, назвать ли себя, но в тот момент, когда он уже раскрыл рот, чей-то голос произнес:

– Минутку подождите.

Снова шаги, человек за дверью отошел и вернулся, затем щелкнул замок, скрипнула задвижка. Из полуоткрытой двери на Мегрэ смотрел высокий мужчина в халате.

– Вам рассказал доктор Пардон? – пробормотал он.

Халат на нем был старый, поношенный, так же как и ночные туфли. Человек был небрит, волосы его были взъерошены.

– Я комиссар Мегрэ.

Человек кивнул, показав, что он его узнал.

– Входите! Просту простить...

Он не уточнил за что.

Они вошли прямо в большую неприбранную комнату, где Лагранж остановился в нерешительности, а Мегрэ, указывая на открытую дверь в спальню, произнес:

– Ложитесь снова.

– Спасибо. Охотно.

Солнце заливало ярким светом это помещение, непохожее на квартиру. Скорее оно почему-то напоминало цыганский табор.

– Простите, – повторял мужчина, ложась в неприбранную постель.

Он тяжело дышал. Его лицо блестело от пота, а круглые большие глаза бегали по сторонам. В сущности, Мегрэ чувствовал себя тоже неловко.

– Садитесь сюда...

И, увидев, что на этом стуле лежат брюки, Лагранж снова повторил:

– Простите...

Комиссар не знал, куда переложить брюки, и в конце концов повесил их на спинку кровати, сказав решительно:

– Вчера доктор Пардон сообщил нам, что мы будем иметь удовольствие познакомиться с вами...

– Я тоже предполагал...

– Вы были уже больны?

Он заметил, что его собеседник замялся.

– Да, я лежал в постели.

– А когда вы почувствовали себя больным?

– Не знаю... Вчера.

– Вчера утром?

– Кажется...

– Сердце?

– Все... Меня уже давно лечит доктор Пардон... И сердце... тоже...

– Вы волнуетесь за сына?

Он смотрел на Мегрэ, как некогда толстый школьник Лагранж смотрел на учителя, когда не знал урока.

– Ваш сын еще не вернулся?

Снова колебание.

– Нет... Пока нет...

– Вы хотели меня видеть?

Мегрэ старался говорить спокойно, как человек, пришедший в гости. Лагранж, со своей стороны, попытался изобразить на лице слабую вежливую улыбку.

– Да. Я говорил доктору...

– Из-за вашего сына?

Он, казалось, удивился и повторил:

– Из-за сына?

И сразу же отрицательно покачал головой:

– Нет... Я еще не знал...

– Вы не знали, что он уйдет?

Лагранж поправил его, как бы считая это выражение слишком категоричным:

– Он не возвращался.

– С каких пор? Несколько дней?

– Нет.

– Со вчерашнего утра?

– Да.

– Вы поссорились?

Лагранж страдал от этих вопросов, но Мегрэ хотел добиться своего.

– С Аленом мы никогда не ссорились.

Он произнес это с гордостью, которая не ускользнула от внимания комиссара.

– А с другими детьми?

– Они больше не живут со мной.

– А раньше, пока они были с вами?

– С ними было совсем иначе...

– Я думаю, вы обрадуетесь, если мы найдем вашего сына?

Лагранж с ужасом посмотрел на него.

– Что вы собираетесь сделать? – спросил он.

Он резко поднялся, как здоровый человек, и вдруг снова упал на подушки, сразу обесилев.

– Нет... не надо. Я думаю, лучше не надо...

– Вы волнуетесь?

– Не знаю.

– Вы боитесь смерти?

– Я болен. У меня больше нет сил. Я... – Он положил руку на грудь, словно с беспокойством прислушиваясь к биению своего сердца.

– Вы знаете, где работает ваш сын?

– В последнее время – нет. Я не хотел, чтобы доктор рассказывал вам.

– Однако два дня тому назад вы настаивали, чтобы доктор познакомил нас.

– Я настаивал?

– Вы хотели мне что-то сообщить. Не так ли?

– Мне было любопытно увидеть вас.

– И только?

– Простите.

Он извинялся по крайней мере в пятый раз.

– Я болен, очень болен. Все дело в этом.

– Однако ваш сын исчез.

Лагранж забеспокоился:

– Может быть, он поступил, как его сестра?

– А что сделала его сестра?

– Когда ей исполнился двадцать один год, в самый день рождения она ушла, не сказав ни слова, со всеми вещами.

– Мужчина?

– Нет. Она работает в бельеовом магазине, в пассаже на Елисейских Полях, и живет с подругой.

– Почему?

– Не знаю.

– У вас есть старший сын?

– Да, Филипп. Он женат.

– А вы не думаете, что Ален у него?

– Они не встречаются. Ничего не случилось, уверяю вас, кроме того, что я болен и остался один. Мне стыдно, что вы побеспокоились. Доктор не должен был... Не знаю, зачем я сказал ему про Алена. Наверно, у меня была высокая температура. Может быть, и сейчас. Не нужно оставаться здесь. Такой беспорядок! Очень душно. Не могу предложить вам даже стакан вина.

– У вас нет прислуги?

– Она не пришла.

Было ясно, что Лагранж лжет.

Мегрэ не решился спросить, есть ли у него деньги. В комнате было жарко, душливо жарко, воздух тяжелый, спертый.

– Не открыть ли окно?

– Нет. Слишком шумно. У меня болит голова. Все болит.

– Может быть, лучше отправить вас в больницу?

Это его испугало.

– Только не это! Я хочу остаться здесь.

– Чтобы дождаться сына?

– Сам не знаю.

Странно. Временами Мегрэ охватывала жалость, и сразу же он раздражался, чувствуя, что перед ним играют комедию. Возможно, этот человек был действительно болен, но не настолько, чтобы распластываться на постели, как жирный червяк, не настолько, чтобы в глазах у него стояли слезы, а толстые губы складывались в гримасу плачущего ребенка.

– Скажите, Лагранж...

Мегрэ замолчал и вдруг поймал взгляд Лагранжа, ставший неожиданно твердым, один из тех пронзительных взглядов, который на вас украдкой бросают женщины, когда им кажется, что вы разгадали их тайну.

– Что?

– Вы уверены, что, когда просили доктора пригласить вас на обед для встречи со мной, вам нечего было мне рассказать?

– Клянусь, я его просил просто так...

Он лгал: именно поэтому и клялся. Опять же как женщина.

– Не хотите дать никаких указаний, которые помогут нам найти вашего сына?

В углу комнаты стоял комод. Мегрэ подошел к нему, все время чувствуя на себе взгляд Лагранжа.

– Все же я попрошу у вас его фотографию.

Лагранж собирался ответить, что у него ее нет.

Мегрэ был настолько уверен в обратном, что как бы машинально выдвинул один из ящиков комода.

– Здесь?

В ящике были ключи, старый бумажник, картонная коробка с пуговицами, какие-то бумаги, счета за газ и электричество.

– Дайте мне...

– Что вам дать?

– Бумажник.

Опасаясь, как бы комиссар сам не раскрыл бумажник, он нашел в себе силы приподняться на локте.

– Дайте... Кажется, там есть прошлогодняя фотография.

Его лихорадило. Толстые, похожие на сосиски пальцы дрожали. Из маленького кармашка, явно зная, что она там, он вынул фотографию.

– Раз вы так настаиваете... Я уверен, что ничего не случилось. Не нужно ее давать в газеты. Ничего не надо делать.

– Я вам верну ее сегодня вечером. Или завтра.

Он снова испугался.

– Это не к спеху.

– А что вы будете есть?

– Я не хочу есть. Мне ничего не нужно.

– А сегодня вечером?

– Мне, наверно, станет лучше, и я смогу выйти.

– А если вам не станет лучше?

Лагранж готов был зарыдать от раздражения и нетерпения, и у Мегрэ не хватило жестокости расспрашивать дальше.

– Последний вопрос. Где работал ваш сын Ален?

– Я не знаю названия... В какой-то конторе на улице Реомюр.

– Какая контора?

– Рекламная... Да... Должно быть, рекламная.

Он сделал вид, что поднимается проводить гостя.

– Не беспокойтесь. До свидания, господин Лагранж.

– До свидания, господин комиссар, не сердитесь на меня.

Мегрэ чуть не спросил: «За что?» Но зачем было спрашивать? Он остановился на минуту на площадке, чтобы разжечь трубку, и услышал шлепанье босых ног по паркету, шелканье ключа в замке, скрип задвижки и, конечно, вздох облегчения. Проходя мимо швейцарской, он увидел голову консьержки в раме окошка и, поколебавшись, остановился.

– Будет лучше, если вы, как просил доктор Пардон, будете время от времени подниматься и узнавать, не нужно ли ему чего-нибудь. Он действительно болен.

– А сегодня ночью он был здоров, я даже подумала, что он хочет съехать с квартиры потихоньку, не заплатив.

Мегрэ, совсем собравшийся уходить, нахмурился и подошел ближе:

– Он выходил сегодня ночью?

– И был настолько здоров, что даже вынес вместе с шофером такси огромный чемодан.

– Вы говорили с ним?

– Нет.

– А в котором часу это было?

– Около десяти часов. Я надеялась, что квартира освободится.

– Вы слышали, как он вернулся?

Она пожала плечами:

- Конечно, раз он наверху.
- Он вернулся с чемоданом?
- Нет.

Мегрэ жил слишком близко, чтобы брать такси. Проходя мимо бистро, он вспомнил о вчерашнем аперитиве, который так хорошо гармонировал с летним днем. Он подошел к стойке и выпил один аперитив, глядя невидящим взглядом на рабочих в белых блузах. Они чокались с ним.

Переходя бульвар, он поднял голову и заметил в открытом окне мадам Мегрэ. Она, должно быть, тоже его заметила. Во всяком случае, услышала его шаги на лестнице, так как дверь открылась.

- С ним еще ничего не произошло?

Она все еще думала о вчерашнем молодом человеке. Мегрэ вынул из кармана фотографию Алена и протянул ей:

- Он?
- Откуда ты достал?
- Это он?
- Конечно он! Разве...

Она вообразила, что Алена уже нет в живых, и была потрясена.

- Да нет. Он все еще в бегах. Я только что был у его отца.

- У того самого, о котором вчера говорил доктор?

- Да. У Лагранжа.

- Что он говорит?

- Ничего.

- Значит, ты так и не знаешь, зачем он взял твой револьвер?

- Вероятно, чтобы им воспользоваться.

Он позвонил в сыскную полицию, но там не было никаких новостей об Алене Лагранже.

Он быстро позавтракал, взял такси и, доехав до набережной Орфевр, поднялся в фотолaborаторию.

– Сделайте столько экземпляров, сколько нужно, чтобы разослать во все полицейские участки Парижа...

Мегрэ подумал, не разослать ли эту фотографию по всей Франции, но он все еще не хотел придавать слишком большое значение этой истории. Его смущало, что, по существу, ничего не случилось, если не считать кражи его собственного револьвера.

Немного позже он вызвал к себе инспектора Люка. Мегрэ снял пиджак и закурил большую трубку.

– Я хочу, чтобы ты прощупал шоферов такси, которые дежурят в районе улицы Попинкур. Знаешь стоянку на площади Вольтера? Конечно, машину взяли там. А сейчас ты всех ночных шоферов застанешь дома.

- Что спрашивать?

– Кто из них вчера, около десяти часов вечера, погрузил в машину большой чемодан во дворе дома на улице Попинкур. Я хотел бы знать, куда его отвезли.

- Все?

- Спроси еще, он ли отвез этого клиента обратно на улицу Попинкур.

- Хорошо, патрон.

В три часа дня полицейские радиомашин были уже снабжены фотографиями Алена Лагранжа; в четыре часа эти фотографии поступили в комиссариаты и полицейские посты с надписью: «Внимание! Вооружен!» В шесть часов все полицейские агенты, заступившие на дежурство, положат ее в карман.

А Мегрэ не знал, что делать. Какое-то внутреннее смущение мешало ему принимать эту историю всерьез, но в кабинете не сиделось, и было такое чувство, что он теряет время, когда необходимо действовать.

Ему хотелось бы подробно побеседовать с доктором Пардоном о Лагранже, однако в этот час приемная врача обычно переполнена больными. Мегрэ боялся помешать доктору. А кстати, он даже не знал, о чем будет спрашивать.

Перелистав телефонный справочник и найдя на улице Реомюр три рекламных агентства, он почти машинально списал их номера в записную книжку. Если бы немного спустя в кабинет не вошел инспектор Торранс и не спросил: «Нет ли поручений, патрон?» – Мегрэ не послал бы никого в рекламные агентства.

– Позвони во все три и узнай, в котором из них работал юноша по имени Ален Лагранж. Если найдешь, пойдти туда и собери какие удастся сведения. Только не разговаривай с начальством, которое никогда ничего не знает, расспроси служащих.

Он протянул еще полчаса, занимаясь мелкими делами. Затем принял викария, тот жаловался, что у него украли деньги из кружки для пожертвований. Принимая викария, он снова натянул пиджак. После ухода посетителя Мегрэ сразу вышел на улицу и сел в одну из полицейских машин, стоявших на набережной.

– К пассажиру на Елисейских Полях!

Улицы были переполнены. У входа в пассаж встречалось больше туристов со всех концов мира, чем французов. Мегрэ не часто бывал здесь. Он был поражен, увидев на протяжении ста метров пять бельевых магазинов. Ему стало неловко, когда он туда входил, и казалось, что продавщицы насмешливо разглядывают его.

– У вас не работает здесь некая мадемуазель Лагранж?

– Вы по личному вопросу?

– Да. Так сказать...

– У нас работает Лажони, Берта Лажони, но она в отпуске.

В третьем по счету магазине хорошенькая девушка быстро подняла голову и сказала, сразу насторожившись:

– Это я. Что вам угодно?

Она не походила на отца, скорее на своего брата Алена, но у нее было совсем другое выражение лица, и, сам не зная почему, Мегрэ мысленно пожалел того, кто в нее влюбится. На первый взгляд она действительно казалась миловидной, в особенности когда демонстрировала свою профессиональную улыбку, но за этой приветливостью угадывалась жесткость и необычное самообладание.

– Вы видели в последние дни вашего брата?

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

Она бросила взгляд в глубину магазина, где в примерочной хозяйка разговаривала с клиенткой. Не желая лишних разговоров, он сразу показал ей свой значок.

– Он сделал что-то плохое? – спросила она, понизив голос.

– Вы спрашиваете об Алене?

– А кто вам сказал, что я работаю здесь?

– Ваш отец.

Она не раздумывала долго.

– Если вам действительно надо поговорить со мной, подождите меня где-нибудь полчаса.

– Я буду ждать вас на террасе кафе «Ле франсе».

Нахмутив брови, она смотрела ему вслед.

Мегрэ ровно тридцать пять минут наблюдал за потоком людей и подбирал под себя ноги каждый раз, когда приближался официант или новый посетитель.

Она вошла с решительным видом. На ней был светлый костюм. Мегрэ знал, что она придет, – она из тех девушек, которые не заставляют ждать зря, а когда приходят, держатся уверенно.

Она села на стул, который он для нее занял.

– Что будете пить?

– Портвейн.

Девушка поправила волосы, выбившиеся из-под белой соломенной шляпки, и скрестила свои красивые ноги.

– Вы знаете, что ваш отец болен?

– Он всегда был болен.

В ее голосе не было ни малейшей жалости или тревоги.

– Он лежит в постели.

– Возможно.

– Ваш брат исчез.

Мегрэ заметил, как она вздрогнула. Эта новость поразила ее, но ей не хотелось в этом признаться.

– Вы не удивляетесь?

– Меня больше ничто не удивляет.

– Почему?

– Потому, что я слишком много видела. Что вам, в конце концов, нужно от меня?

Было трудно ответить сразу на столь прямо поставленный вопрос, а она, вынув из портсигара сигарету, совершенно спокойно произнесла:

– У вас есть зажигалка?

Он протянул ей зажженную спичку.

– Я слушаю вас, – сказала она.

– Сколько вам лет?

– Я полагаю, что вы потрудились приехать сюда не для того, чтобы узнать мой возраст.

Судя по значку, вы не просто инспектор, а персона поважнее, может быть комиссар?

И, более внимательно рассмотрев его, она спросила:

– А не вы ли знаменитый Мегрэ?

– Да. Я комиссар Мегрэ.

– Ален убил кого-нибудь?

– Почему вам это пришло в голову?

– Потому что, раз вы занялись этим делом, оно должно быть серьезным.

– Но ваш брат мог оказаться жертвой.

– Его действительно убили?

По-прежнему полное спокойствие. Правда, она, кажется, в это не поверила.

– Он бродит неизвестно где по Парижу с заряженным револьвером в кармане.

– По-видимому, не один Ален находится в таком положении.

– Он украл этот револьвер вчера утром.

– Где?

– У меня.

– Он был у вас дома?

– Да.

– Когда никого не было в квартире? Вы хотите сказать, что он взломал дверь?

Это предположение, очевидно, ее забавляло, она иронически улыбнулась.

– Вы не питаете нежных чувств ни к Алёну, ни к отцу?

– Я ни к кому не питаю нежных чувств, даже к себе самой.

– Сколько вам лет?

- Двадцать один год и семь месяцев.
- Значит, вот уже семь месяцев, как вы покинули дом отца?
- Вы там были? И называете это домом?
- Вы считаете, что ваш брат способен на убийство?

Может быть, чтобы произвести впечатление, она ответила вызывающе:

- А почему нет? Все люди на это способны. Не так ли?

Если бы они сидели не в кафе, где уже начали прислушиваться к их разговору, он бы попросту отчитал ее, настолько она его раздражала.

- Вы помните свою мать, мадемуазель?
- Смутно, мне было три года, когда она умерла, сразу после рождения Алена.
- Кто вас воспитывал?
- Отец.
- Он один воспитывал троих детей?
- Приходилось иногда.
- Когда?
- Когда у него не хватало денег, чтобы платить няне. Иногда у нас было целых две, но недолго. Иногда за нами смотрела приходящая прислуга или соседка. Вы, кажется, недостаточно знаете нашу семью?

- Вы всегда жили на улице Попинкур?

– Мы жили во многих местах, даже около Булонского леса. Мы то поднимались по общественной лестнице, то опускались, снова поднимались на несколько ступенек и наконец окончательно скатились вниз. Теперь, если у вас нет более серьезных вопросов, я должна бежать, меня ждет подруга.

- Где вы живете?
- В двух шагах отсюда. Улица Берри.
- В гостинице?
- Нет, мы снимаем две комнаты в частном доме. Предполагаю, что вы хотите знать номер этого дома?

И она его дала.

– Все-таки мне было интересно с вами познакомиться. Ведь мы все любим представлять себе, как выглядят знаменитости.

Он не решился спросить, каким она его себе представляла и что думает о нем теперь.

Она стояла перед ним в плотно обтягивающем костюме; сидящие за столиками разглядывали ее, затем смотрели на Мегрэ, думая, наверно, что ему повезло.

Он тоже поднялся и простился с ней посреди улицы.

- Благодарю вас, – сказал он нехотя.
- Не за что. Не тревожьтесь за Алена.
- Почему?

Она пожала плечами:

- Просто так. Мне кажется, что, хотя вы и Мегрэ, вам еще многому надо поучиться.

И быстро удалилась по направлению к улице Берри, ни разу не оглянувшись.

Мегрэ давно отпустил служебную машину, ему пришлось ехать на метро, в вагоне, набитом битком; это только усилило дурное настроение комиссара. Он был недоволен всем, и в том числе самим собой. Если бы ему сейчас встретился доктор Пардон, Мегрэ упрекнул бы его за рассказы о Лагранже, этом толстяке, похожем на жирного призрака, Мегрэ имел зуб против жены за историю с револьвером, он был готов считать ее виновницей всей этой истории.

Но в общем, все это его не касалось.

В метро было душно, как в прачечной, рекламы на станциях вызывали у него отвращение. Наверху он снова увидел жаркое солнце и рассердился на солнце, заставлявшее его потеть.

Когда он проходил к себе в кабинет, секретарь сразу заметил, что комиссар в дурном настроении, и ограничился молчаливым поклоном. На письменном столе Мегрэ на самом виду лежала записка, прижатая вместо пресс-папье одной из его трубок: «Просьба срочно позвонить в отделение полиции Северного вокзала. Люка».

Не снимая шляпы, Мегрэ набрал номер и, зажав телефонную трубку между плечом и щекой, закурил.

– Люка еще у вас?

Два самых тоскливых года Мегрэ провел в полицейском отделении Северного вокзала и хорошо знал все его закоулки. Он услышал голос инспектора, говорившего Люка:

– Тебя. Твой патрон.

И сразу раздался голос Люка:

– Алло! Я не знал, вернетесь ли вы в бюро. Я звонил к вам домой.

– Ты нашел шофера?

– Сразу повезло. Он рассказал, что вчера вечером сидел в баре на улице Вольтера, когда туда появился высокий толстяк важного вида и велел отвезти его на Северный вокзал.

– Чтобы сдать на хранение чемодан?

– Так точно, вы угадали. Чемодан еще здесь.

– Ты его открыл?

– Они не разрешают.

– Кто?

– Железнодорожники. Они требуют квитанцию или ордер.

– Никаких особых примет?

– Есть. Запах. Тяжелый.

– Ты думаешь?..

– То же самое, что и вы. Если в нем не мертвец, то, значит, он набит до краев тухлым мясом. Мне вас ждать?

– Буду через полчаса.

Мегрэ направился в кабинет шефа. Тот позвонил в прокуратуру. Прокурор уже уехал, но один из его помощников в конце концов взял на себя ответственность.

Когда Мегрэ проходил через инспекторскую, он заметил, что Торранс еще не вернулся. Жанвье строчил рапорт.

– Возьми с собой кого-нибудь. Отправляйся на улицу Попинкур и следи за номером тридцать семь «б». В глубине двора налево, на четвертом этаже, Франсуа Лагранж... Не стойте на виду. Этот тип высокий и толстый, болезненного вида. Возьми фотографию сына.

– Что с ней делать?

– Ничего. Если случайно он вернется, а потом выйдет из дома, незаметно следить за ним. Осторожней, он вооружен. Если появится отец, что меня весьма удивило бы, следите за ним...

Несколько минут спустя Мегрэ ехал к Северному вокзалу. Он вспомнил, как в кафе на Елисейских Полях дочь Лагранжа сказала: «Все люди на это способны. Не так ли?»

Нечто подобное, во всяком случае, она сказала, а теперь речь шла именно об убийстве.

Он пробрался через толпу, нашел Люка, который мирно болтал с инспектором железнодорожной полиции.

– Вы с ордером, патрон? Сразу предупреждаю, что тип в камере хранения очень упорный и полиция не производит на него никакого впечатления.

Люка говорил правду. Этот тип тщательно проверил документы, долго переворачивал их в разные стороны, надел очки, чтобы изучить подписи и печать.

– Поскольку с меня снимается всякая ответственность...

Он неодобрительно указал на большой серый старомодный чемодан с изорванным чехлом, обвязанный веревками. Люка преувеличивал, но все же от чемодана шел слабый тошнотворный запах, хорошо знакомый Мегрэ.

– Надеюсь, вы не станете открывать его здесь?

Был конец рабочего дня. Люди толпились у билетных касс.

– Кто-нибудь нам поможет? – спросил Мегрэ у хмурого служащего.

– Существуют носильщики. Надеюсь, вы не хотите, чтобы я его собственноручно тащил?

Чемодан не входил в маленькую черную машину полицейского управления. Люка погрузил его в такси. Все это было, конечно, не по инструкции. Но Мегрэ спешил.

– Куда его везти, патрон?

– В лабораторию. Самое верное. Возможно, Жюссье еще там.

На лестнице он встретил Торранса.

– Вы знаете, патрон...

– Ты его нашел?

– Кого?

– Юношу?

– Нет. Но я...

– Тогда до скорого...

Жюссье действительно еще не ушел. Они стояли вчетвером вокруг чемодана, фотографировали его со всех сторон, прежде чем открыть.

Полчаса спустя Мегрэ вызвал по телефону начальника полиции...

– Шеф только что вышел, – ответили ему.

Он позвонил к нему домой и узнал, что шеф обедает в одном из ресторанов на левом берегу. В ресторане его еще не было. Пришлось ждать минут десять.

– Простите за беспокойство, шеф. Это Мегрэ, по делу, о котором я вам докладывал. Люка был прав. Мне кажется, вам нужно приехать, так как дело касается известного лица и может получить нежелательную огласку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.